

Оглавление

Пролог	7
1. Волшебные колодцы.....	17
2. Повесть о двух школах	51
3. Волны познания	105
4. Говори со мной.....	156
5. Мера всех вещей	192
6. Социальные навыки	263
7. Время покажет	324
8. О зеркалах и банках	371
9. Эволюционное познание.....	417
Примечания	435
Библиография	453
Словарь	498
Об авторе.....	505
Благодарности.....	507
Предметно-именной указатель.....	510

Пролог

Как бы велико ни было различие в умственных способностях человека и высших животных, оно, несомненно, заключается в количестве, а не в качестве.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН (1871)¹

.....

Похолодало, и однажды ранним ноябрьским утром я обнаружил, что Франье, самка шимпанзе, собирает солому в своей спальне. Она подхватила ее под мышку и перетащила на остров, где и жили шимпанзе в зоопарке Бургерса в голландском городе Арнеме. Ее поведение застало меня врасплох. Во-первых, Франье никогда раньше не таскала солому куда бы то ни было; мы также ни разу не замечали других шимпанзе за подобным занятием. Во-вторых, если, как мы решили, она намеревалась согреться в течение дня, то солому-то она собирала, находясь в обогреваемом помещении, в комфортной температуре. Это не была непосредственная реакция на холод, Франье готовилась к понижению температуры, которого в тот момент не ощущала. Самое резонное объяснение состояло в том, что она приняла во внимание вчерашний промозглый день и аналогичной погоды ждала сегодня. Так или иначе, теперь Франье и ее маленький сын Фонс пребывали в тепле и уюте в построенном ею соломенном гнезде.

Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных? **7**

Полная версия: <https://www.alpinabook.ru/catalog/book-535915/>

Я никогда не перестаю удивляться сообразительности животных, хотя вполне отдаю себе отчет, что одного случая недостаточно, чтобы сделать выводы. Однако подобные истории побуждают к наблюдениям и исследованиям, которые помогают разобраться, что же происходит. Рассказывают, что писатель-фантаст Айзек Азимов как-то заметил: «Самая волнующая фраза в науке, которая возвещает о новом открытии, — вовсе не “Эврика!”, а “Вот забавно...”». Мне это хорошо знакомо. Заинтригованные поведением наших животных, мы подолгу наблюдаем за ними, проверяем свои предположения и спорим с коллегами, что на самом деле означают полученные данные. Противоречия поджидают нас на каждом углу, поэтому мы не спешим с выводами. Даже если первоначальные наблюдения просты (обезьяна собирает солому), они могут породить далекоидущие заключения. Вопрос о том, способны ли животные строить планы на будущее, как, по всей видимости, поступала Франье, — один из тех, что весьма занимают современную науку. Специалисты говорят о *мысленном путешествии во времени, хронестезии и автоноэзисе*, но я постараюсь не прибегать к подобной заумной терминологии и излагать научные теории понятным языком. Я расскажу о повседневных проявлениях сообразительности животных и приведу данные, полученные экспериментальным путем. Истории из обычной жизни показывают, каким целям служит когнитивный интеллект животных. Экспериментальные наблюдения позволяют исключить альтернативные объяснения. Мне кажутся важными и те

и другие, хотя я понимаю, что описание событий — более легкое чтение, чем результаты экспериментов.

Рассмотрим вопрос, имеющий непосредственное отношение к теме: умеют ли животные здороваться и прощаться? О первом нетрудно догадаться. Приветствие — это ответ на появление знакомого после его отсутствия. Так ваша собака начинает прыгать вокруг вас, как только вы переступили порог своего дома. Видео в интернете, где домашние питомцы приветствуют хозяев-солдат, вернувшихся из-за рубежа, наводят на мысль о взаимосвязи между длительностью отсутствия и интенсивностью приветствия. Нам знакома эта взаимосвязь, так как она равным образом относится и к человеку. Но как обстоит дело с прощанием?

Нам страшно прощаться с теми, кого любим. Моя мама плакала, когда я собрался пересечь Атлантику, хотя мы оба прекрасно понимали, что мое отсутствие не продлится вечно. Прощание предполагает будущее расставание, вот почему оно редко встречается у животных. Но и на этот случай у меня припасена история. Однажды я приучал самку шимпанзе по имени Кюф поить молоком из бутылки приемного детеныша. Кюф вела себя во всех отношениях как мать, но у нее не хватало собственного молока, чтобы прокормить малыша. Мы вручали Кюф бутылку теплого молока, которое она аккуратно скармливала маленькой обезьянке. Кюф настолько преуспела в этом занятии, что даже ненадолго отодвигала бутылку, если малышу требовалось отрыгнуть. Для дневного кормления мы звали в помещение

Кюф с детенышем, которого она день и ночь носила на себе, тогда как остальные обезьяны оставались снаружи. По прошествии некоторого времени мы заметили, что вместо того, чтобы незамедлительно прийти, Кюф совершает длинный обходной маневр. Она кружила по острову, навещая альфа-самца, альфа-самку, нескольких добрых друзей и каждого одаривая поцелуем, прежде чем направиться к зданию. Если другие шимпанзе спали, она будила их, чтобы попрощаться. Само по себе поведение опять-таки было простым, но конкретные обстоятельства заставляли задуматься о лежащем в его основе мыслительном процессе. Кюф, как и Франье, просчитывала ситуацию на шаг вперед.

Как же быть со скептиками, которые убеждены, что животные по определению застряли в ловушке настоящего времени и только человек помышляет о будущем? Обосновано ли их высокомерие или они просто закрывают глаза на возможности животных? И почему человечество так склонно преуменьшать интеллект животных? Мы без колебаний отказываем им в способностях, которые у себя воспринимаем как должное. Что стоит за этим? В попытке понять, каким уровнем интеллектуального развития обладают другие виды, главная проблема заключается не в животных, а в нас самих. Человеческое мироощущение, способность к творчеству и воображение в значительной степени составляют часть проблемы. Прежде чем мы зададимся вопросом, способны ли животные на какую-либо разумную деятельность — особенно такую, которую мы высоко ценим

в себе самих, — нам следует преодолеть внутреннее сопротивление, чтобы по меньшей мере рассмотреть эту возможность. Поэтому главный вопрос книги: «Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных?»

Короткий ответ таков: «Да, но кто его знает?» В течение большей части прошедшего столетия наука была чрезмерно осторожна и скептична в отношении интеллекта животных. Народная традиция приписывать животным способность думать и испытывать эмоции считалась наивной и нелепой. Мы, ученые, ничего не принимали на веру. Мы никогда не позволяли себе воспринимать всерьез высказывания вроде «моя собака ревнива» или «мой кот знает, чего хочет», не говоря уже о более сложных материях, таких как способность животных переживать прошлое или сочувствовать чужой боли. Исследователи поведения животных либо не задумывались об их интеллекте, либо отвергали само это понятие. Большинство обходило эту тему стороной. К счастью, были исключения, и позднее я непременно остановлюсь на них, так как отдаю должное истории своей науки. Однако две главные школы психологии рассматривали животных или как механизмы, построенные по принципу «стимул — реакция», с тем чтобы избежать наказания и получить вознаграждение, или как роботов, генетически наделенных полезными инстинктами. При том что обе школы не обладали широтой взглядов и спорили друг с другом, их объединял фундаментальный механистический подход: не следует принимать во внимание внутренний мир животных, а тот, кто принимает,

придерживается антропоморфных, романтических и ненаучных взглядов.

Стоит ли вспоминать об этом непродуктивном периоде? В предшествующие годы представления были заметно свободнее от предрассудков. Чарльз Дарвин подробно писал об эмоциях животных и человека, а множество ученых XIX столетия стремились обнаружить у животных развитый ум. Остается тайной, почему такие исследования были приостановлены на неопределенное время и для чего мы по собственной воле повесили камень на шею биологии — так выдающийся эволюционист Эрнст Майр охарактеризовал картезианское представление о животных как о бездушных автоматах². Но времена меняются. Наверное, все обратили внимание на лавину информации, которая в последние два десятилетия стремительно заполнила интернет. Не проходит и недели, как появляются новые сообщения о сложности познавательных процессов у животных, часто сопровождающиеся видеоматериалами в качестве подтверждения. Мы узнаем, что крысы могут сожалеть о принятых ими решениях, воробьи изготавливают инструменты, осьминоги узнают человеческие лица, а специальные нейроны позволяют обезьянам учиться на ошибках друг друга. Мы открыто говорим о культуре животных, их способности к сопереживанию и дружбе. Запретных тем больше не существует, в том числе и в области разума, который раньше считался исключительной принадлежностью человека.

Во всех подобных случаях мы предпочитаем сравнивать и противопоставлять интеллект животных и человека, принимая самих себя за точку отсчета. Следует, однако, сознавать, что этот способ давно устарел. Сравнение нужно проводить не между животными и человеком, а между одним видом животных — нами — и великим множеством других. И хотя по отношению к последним я в большинстве случаев буду употреблять условное обозначение «животные», невозможно отрицать, что люди — точно такие же животные. Таким образом, мы сравниваем не два разных интеллекта, а, скорее, разновидности одного и того же. Я рассматриваю человеческий разум как вариант животного разума. Ведь непонятно даже, насколько продвинут наш разум по сравнению с разумом, способным управлять восемью независимо движущимися конечностями, каждая из которых снабжена самостоятельной нервной системой, или разумом, позволяющим летающему существу охотиться на подвижную добычу, руководствуясь отражением собственных пронзительных звуков.

Мы, конечно, придаем первостепенную важность абстрактному мышлению и языку (пристрастие, по поводу которого я постараюсь не иронизировать в этой книге), но в отдаленной перспективе это всего лишь один из способов выживания. Муравьи и термиты, возможно, нашли лучшее применение своей численности и биомассе, чем мы, сделав ставку на тесное взаимодействие между членами колонии, а не на индивидуальное сознание. Каждое сообщество действует

как самоорганизующийся разум, даже то, которое топчется вокруг нас на тысячах маленьких лапок. Существует множество способов перерабатывать, упорядочивать и распространять информацию, но только недавно наука приобрела достаточную широту взглядов, чтобы рассматривать все эти способы с удивлением и восхищением, а не с пренебрежением и осуждением.

Так что — да, мы достаточно умны, чтобы оценить по достоинству другие виды, но для этого потребовалось, чтобы сотни фактов, первоначально полностью отвергаемых наукой, пробилась сквозь нашу твердолобость. Причины, по которым мы избавились от излишка убеждений и антропоцентризма, следует искать в том, что мы узнали и переосмыслили за прошедшее время. Оценивая эти перемены, я неизбежно привношу собственную точку зрения, отдающую предпочтение целостности эволюции в ущерб традиционному дуализму. Противопоставления ума и тела, человека и животного или рассудка и эмоций могут показаться плодотворными, но уводят далеко в сторону от общей картины. Биолог и этолог по образованию, я не могу оправдать скептицизма прошлых лет, связывавшего нас по рукам и ногам. Сомневаюсь, что он стоил того океана чернил, который мы, в том числе и я, на него потратили.

В этой книге я не стремлюсь к последовательному и всестороннему изложению эволюции познавательной, рассудочной деятельности. Читатели могут найти подобную информацию в других, специализированных изданиях³. Вместо этого, перебрав множество объектов,

экспериментов и исследователей, я обращаюсь к наиболее ярким примерам за последние двадцать лет. Моя область профессиональных интересов — поведение и познавательные способности приматов — оказала существенное влияние на многие другие, так как находилась на передовом рубеже исследований. Работая в этой области с 1970-х гг., я был знаком со многими «игроками первой лиги» — как людьми, так и животными, — что дает мне право на некоторую субъективность. Произошло множество событий, на которых стоит остановиться подробнее. Развитие этой области знания было сродни приключению, можно даже сказать, катанию на американских горках, и она по-прежнему остается бесконечно увлекательной, потому что поведение, по определению австрийского этолога Конрада Лоренца, — самое живое проявление всего живого.

Волшебные колодцы

То, что мы наблюдаем, — это не природа как таковая, а природа, подвергнутая нашему методу задавать вопросы.

ВЕРНЕР ГЕЙЗЕНБЕРГ (1958)¹

Превращаясь в жука

Проснувшись и открыв глаза, Грегор Замза обнаружил, что превратился в отвратительное животное. Это существо было наделено наружным скелетом, ползало вверх-вниз по стенам и потолкам, пряталось под кушеткой и отдавало предпочтение протухшей пище. Превращение бедного Грегора отравляло жизнь ему и его семье, пока он не обрел наконец спасение в смерти.

«Превращение» Франца Кафки, опубликованное в 1915 г., стало первым нестройным салютом в честь наступления менее антропоцентрического столетия. Выбрав для превращения своего героя отталкивающее создание, автор заставил нас с первой же страницы представить, каково это — быть жуком. Примерно в те же годы немецкий биолог Якоб фон Икскуль предположил, что у животных может существовать свое собственное мироощущение, которое он назвал «умвельт» (нем. Umwelt — окружение,

окружающий мир). Чтобы проиллюстрировать эту новую концепцию, Икскуль пригласил нас в путешествие по разным мирам. Каждый организм ощущает окружающую среду по-своему, утверждал он. Безглазый клещ забирается на травинку и пытается уловить запах масляной кислоты, исходящий от кожи млекопитающих. Исследования показали, что это паукообразное может обходиться без пищи восемнадцать лет, поэтому у клеща более чем достаточно времени, чтобы встретить млекопитающее, напасть на свою жертву и вдоволь насытится теплой кровью. Затем он готов отложить яйца и умереть. Можем ли мы понять умвельт клеща? Он выглядит совершенно ничтожным по сравнению с нашим, но Икскуль увидел в его простоте силу: задача вполне ясна, и никаких трудностей не предвидится.

Икскуль приводил и другие примеры, показывая, что одно и то же окружение предоставляет сотни возможностей, специфичных для каждого вида. Умвельт принципиально отличается от *экологической ниши*, которая означает среду обитания, необходимую для выживания организма. Напротив, умвельт подразумевает эгоцентричный, субъективный мир, представляющий собой лишь малый анклав в океане возможностей. Согласно Икскультю, чужие умвельты «непонятны и неосязаемы»² для других видов. Одни животные воспринимают ультрафиолетовое излучение, другие ориентируются с помощью запахов, третьи, как крот-звездонос, ведут подземное существование, пользуясь осязанием. Кто-то живет на ветвях дуба, кто-то — под его корой, а кто-то,

как семья лисицы, в норе между корнями. Каждый воспринимает одно и то же дерево по-своему.

Люди могут попытаться представить умелы других организмов. Будучи видом, ориентированным на визуальное восприятие, мы можем купить приложение к смартфону, превращающее цветное изображение в черно-белое, которое видят люди, не способные различать цвета. Мы можем завязать глаза, чтобы имитировать умелт людей с нарушениями зрения и поставить себя на их место. Мое наиболее запоминающееся знакомство с чужим миром произошло во время воспитания галок — небольших представителей семейства врановых. Две галки влетали и вылетали в окно моей комнаты на четвертом этаже студенческого общежития, так что я мог следить сверху за их подвигами. Пока они были молоды и неопытны, я наблюдал за ними, преисполненный мрачных предчувствий, как всякий хороший родитель. Мы воспринимаем полет птиц как нечто само собой разумеющееся, но на самом деле это навык, который они должны приобрести. Самое сложное — это приземление, и я постоянно опасался, что мои галки врежутся в проезжающую машину. Я стал мыслить, как птица: составлял топографический план местности и подыскивал лучшее место для посадки, оценивая удаленные предметы (ветку, балкон) с этой точки зрения. Благополучно приземлившись, мои подопечные издавали радостное карканье, и я звал их назад, после чего история повторялась. Когда они стали опытными летчиками, я наслаждался их акробатическими трюками в порывах ветра,

как будто летал вместе с ними. Я вошел в умвельт моих птиц, хотя и не в полной мере.

В то время как идея Иксюля о научном исследовании и составлении карты умвельтов разных видов вдохновляла исследователей поведения животных — этологов, философы прошедшего столетия были настроены более пессимистично. Томас Нагель в 1974 г. вопрошал: «Каково это — быть летучей мышью?»³ — и приходил к выводу, что мы этого никогда не узнаем. Мы не можем проникнуть в частную жизнь других видов, утверждал он. Нагеля интересовало не то, как будет чувствовать себя человек, став летучей мышью; он хотел понять, как чувствует себя летучая мышь, будучи летучей мышью. Это действительно за пределами нашего воображения. Такую же стену между животными и человеком обозначил австрийский философ Людвиг Витгенштейн в своем известном высказывании: «Если бы лев мог разговаривать, мы бы его не поняли». Некоторые ученые с этим не соглашались, справедливо полагая, что Витгенштейн не разбирался в тонкостях общения животных. Однако суть афоризма в том, что наши жизненные впечатления настолько отличаются от львиных, что мы не пойдем царя зверей, даже если он будет говорить с нами на одном языке. В действительности рассуждение Витгенштейна распространяется также на людей чуждых нам культур, с которыми мы не можем «найти общий язык»⁴, даже если знаем его. Эта точка зрения предполагает, что у нас ограниченные возможности понять чужую жизнь, не важно — иностранцев или других организмов.

Вместо того чтобы решать эту непростую задачу, я обращаюсь к миру, в котором живут животные; к тому, как им удается управляться с его причудливым устройством. Хотя мы не можем испытывать те же чувства, что и животные, мы способны попытаться выйти за узкие рамки собственного умвелта с помощью воображения. По правде говоря, Нагель никогда бы не пришел к своим пронизательным умозаключениям, если бы не слышал про эхолокацию летучих мышей. А эхолокация не была бы открыта, если бы ученые не попытались представить себе, каково быть летучей мышью, и им бы это не удалось. Таково одно из высочайших достижений нашего вида — способность мыслить вне собственных границ восприятия.

Будучи студентом Утрехтского университета, я с восхищением слушал, как руководитель моего факультета Свен Дийкграаф рассказывал, что примерно в моем возрасте он был одним из ничтожного числа людей во всем мире, способных слышать слабые щелкающие звуки, сопровождающие ультразвуковые вокальные упражнения летучих мышей. У профессора был необыкновенный слух. Давно известно, что слепая летучая мышь может находить дорогу и благополучно садиться на стены и потолки, тогда как глухая летучая мышь на это не способна. Летучая мышь без слуха так же беспомощна, как человек без зрения. Никто до конца не понимал, каким образом это работает, и восприятие летучих мышей беспомощно окрестили «шестым чувством». Ученые тем не менее не верили в сверхъестественные способности,

и Дийкграаф предложил другое объяснение. Так как он слышал звуки, издаваемые летучими мышами, которые усиливались, когда животные встречали какие-либо препятствия, Дийкграаф предположил, что эти сигналы позволяют им ориентироваться в окружающем пространстве. Когда он вспоминал об этом, в его голосе всегда звучала нотка сожаления по поводу недостаточного признания, которое он получил как первооткрыватель эхолокации.

Все почести достались Дональду Гриффину, и по справедливости. С помощью аппаратуры, способной улавливать звуковые волны с частотой выше 20 кГц, недоступные слуху человека, этот американский этолог провел исчерпывающие исследования, которые показали, что эхолокация — это больше, чем просто сигнал тревоги, предупреждающий о столкновении. Ультразвук служит для обнаружения и преследования добычи — от крупных ночных бабочек до крошечных мух. Летучие мыши обладают на редкость многофункциональным приспособлением для охоты.

Неудивительно, что Гриффин стал первооткрывателем познавательных способностей животных — словосочетание, до конца 1980-х гг. казавшееся внутренне противоречивым. Ведь что такое познавательная способность, как не мыслительный процесс обработки информации? *Познавательная (когнитивная) способность* — это мысленное преобразование данных, полученных от органов чувств, в представление об окружающей среде и приспособление к этому представлению. В то время

как познавательная способность означает просто осуществление этого процесса, *умственная способность (интеллект)* подразумевает успешное осуществление этого процесса. Летучая мышь обрабатывает большой объем информации, поступающей от органов чувств. Слуховая кора ее головного мозга оценивает звуки, отражающиеся от объектов, а затем использует эту информацию, чтобы подсчитать расстояние до цели и скорость ее движения. Как будто это недостаточно сложная задача, летучая мышь, кроме того, корректирует траекторию своего полета и различает эхо собственных звуков и соседних летучих мышей — своего рода распознавание «свой-чужой». Когда некоторые насекомые развили слух, чтобы улавливать звуки летучих мышей и избегать с ними встречи, летучие мыши, в свою очередь, перешли в режим «стелс» — стали издавать звуки за пределами слышимости насекомых.

Этот пример показывает тонко организованную систему переработки информации с помощью специализированного мозга, способного превращать эхо в выверенную до мельчайших деталей картину окружающего мира. Гриффин шел по стопам исследователя-первопроходца Карла фон Фриша, который обнаружил, что медовые пчелы используют так называемый «виляющий танец», устанавливающий связь с удаленными источниками пищи. Карл фон Фриш однажды сказал: «Жизнь пчел похожа на волшебный колодец: чем больше из него черпаешь, тем обильнее он наполняется водой»⁵. Гриффин испытывал те же чувства к эхолокации, видя в ней

еще один неисчерпаемый источник тайн и чудес. Он также называл ее волшебным колодцем⁶.

Так как я работал с шимпанзе, бонобо и другими приматами, у меня редко возникали неприятности, когда я говорил о познавательной способности. В конце концов, люди — тоже приматы, и мы воспринимаем окружающий мир сходным образом. С нашим объемным зрением, хватательными руками, способностью лазить, прыгать и эмоционально общаться с помощью мимических мышц лица, мы занимаем тот же умвельт, что и другие приматы. Мы называем подражание «обезьянничанием» именно потому, что признаем это сходство. В то же время мы относимся к приматам настороженно. Мы смеемся над обезьянами в фильмах и телесериалах не потому, что они смешны по своей природе — существуют куда более забавные животные, например, страусы или жирафы, — а потому, что нам нравится держать наших собратьев на расстоянии вытянутой руки. Примерно так же жители соседних стран (во многом между собой сходные) шутят друг о друге. Голландцы не видят ничего смешного в бразильцах или китайцах, но им доставляет огромное удовольствие подшучивать над бельгийцами.

Почему следует остановиться на приматах, обсуждая познавательную способность? Каждый вид приспосабливается к условиям среды и вырабатывает решения проблем, которые она создает, и каждый делает это по-своему. Поэтому лучше использовать множественное число и говорить о познавательных и умственных

способностях. Это позволит нам избежать исследования познавательной способности в соответствии с представлением о *scala naturae* (лат. — лестница природы), восходящем к Аристотелю. Согласно этому представлению, на ее вершине — Бог, ангелы и человек, ниже — млекопитающие, птицы, рыбы и насекомые, а в самом низу — моллюски. Сравнения сверху вниз и снизу вверх по этой протяженной лестнице служили популярным времяпрепровождением у ученых, занимавшихся изучением познания, но я не припомню ни одного открытия, которое бы они совершили. Все, чего они достигли, — это заставили нас судить животных по человеческой мерке, игнорируя невероятное разнообразие умелтов различных организмов. Очень нечестно спрашивать, может ли белка досчитать до десяти, если умение считать ей никогда в жизни не пригодится. Белка превосходно умеет отыскивать спрятанные орехи, как и некоторые птицы. Североамериканская ореховка к концу года запасает более двадцати тысяч орехов в сотнях различных мест на территории многих квадратных километров, а затем, в течение зимы и весны, умудряется найти большую их часть⁷.

Наша неспособность соревноваться с белками и ореховками в поисках орехов — я, например, не помню даже, где паркую машину, — несущественна, потому что нашему виду не требуется такая память для выживания, в отличие от лесных животных, бросающих вызов суровой зиме. Мы не нуждаемся в эхолокации или способности ориентироваться в темноте. Точно

так же нам не нужно уметь вводить поправку на преломление света между воздухом и водой, как это делает рыба-брызгун, сбивающая насекомых струйками воды. Существует множество адаптаций познавательных способностей, которыми мы не обладаем или в которых не нуждаемся. Вот почему расстановка познавательных способностей по одномерной шкале — бесполезное занятие. Эволюция познавательной деятельности отмечена множеством пиков специализации. Ключ к их пониманию — экология вида.

В прошлом столетии было предпринято немало попыток проникнуть в умелты других видов. Об этом свидетельствуют названия книг, такие как «Мир серебристой чайки» (The Herring Gull's World)*, «Душа обезьяны» (The Soul of the Ape), «Как обезьяны видят мир» (How Monkeys See the World), «Внутренний мир собаки» (Inside a Dog) и «Муравейник» (Anthill). Автор последнего произведения, Э. Уилсон, в своей неподражаемой манере предлагает взглянуть на общественную жизнь и эпические войны муравьев с точки зрения муравья⁸. Следуя по пути, проложенному Кафкой и Икскулем, мы пытаемся проникнуть в потаенный мир других видов, чтобы взглянуть на него их глазами. И чем больше мы в этом преуспеваем, тем больше узнаем о природном ландшафте с укрытыми в нем волшебными колодцами.

.....

* Тинберген Н. Мир серебристой чайки. — М.: АСТ-Пресс Книга, 2012.

Шесть слепцов и слон

Изучение познания оперирует скорее допустимым, чем невероятным. Тем не менее представление о *scala naturae* многих склонило к мнению, что животные лишены некоторых познавательных способностей. Нам твердили со всех сторон, что «только человек может то или это» — от планирования будущего (только человек думает о чем-то заранее) и беспокойства о других (только человек заботится об окружающих) до времени для отдыха (только человек понимает, что такое досуг). Последнее, к моему собственному удивлению, привело меня к полемике в голландской газете о различии между загорающим туристом и прикорнувшим на пляже тюленем. Мой оппонент, философ, полагал, что они разительно отличаются друг от друга.

На самом деле я считаю стойкие предубеждения относительно человеческой исключительности забавными, как, например, замечание Марка Твена: «Человек — единственное животное, которое краснеет или при определенных обстоятельствах должно краснеть». Но, разумеется, большинство из этих предвзятых мнений излучает самодовольство и совершенно серьезно. Список предубеждений пополняется и обновляется каждое десятилетие, тем не менее им не стоит доверять, особенно учитывая, как трудно их опровергнуть. Правило экспериментальной науки утверждает, что отсутствие доказательств еще не доказательство их отсутствия. Если мы не можем обнаружить какую-либо способность у данного вида,

нашими первыми мыслями должны быть: «А не посмотрели ли мы что-нибудь?» и «Подходит ли наш критерий к этому виду?».

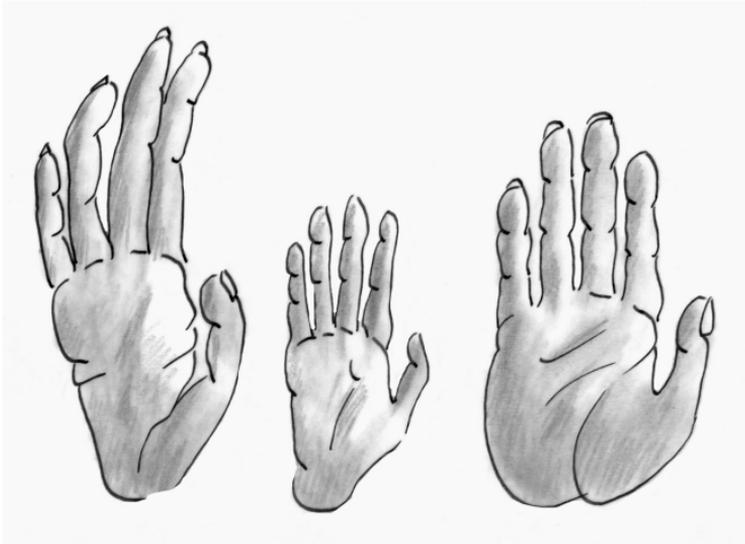
Ярким примером служат гиббоны, которые когда-то считались отсталыми приматами. Гиббонам предлагали решать задачи, связанные с выбором между различными емкостями, веревками и палками. Раз за разом гиббонам не удавалось достичь результатов, сравнимых с результатами других видов. Применение орудий, например, изучалось с помощью банана, находящегося за пределами клетки, где содержались обезьяны, и палки, предоставленной в их распоряжение. Все, что следовало сделать гиббонам, — это взять палку и подвинуть банан поближе. Шимпанзе проделали бы это без колебаний, как и многие другие обезьяны. Но не гиббоны. Это озадачивало исследователей, учитывая, что гиббоны (известные также как малые человекообразные обезьяны) входят в ту же самую систематическую группу, что и другие обезьяны с крупным мозгом, а также человек.

В 1960-х гг. американский приматолог Бенджамин Бек применил новый подход⁹. Гиббоны приспособлены исключительно к жизни на деревьях. Они перемещаются сквозь лес с ветки на ветку, с дерева на дерево, повисая на руках, поэтому их еще называют брахиаторами (от греч. *brachion* — рука). Передние конечности гиббонов с коротким большим пальцем и удлиненной кистью предназначены именно для этого способа передвижения: они действуют скорее как крюки,

а не как многофункциональные хватательные и осязательные приспособления большинства других приматов.

Бек, понимая, что умелеть гиббонов не включает уровень земли, а их руки не приспособлены к тому, чтобы поднимать предметы с ровной поверхности, внес изменения в одно из традиционных заданий. Вместо того чтобы положить веревки на землю, как это делалось раньше, Бек поднял их до уровня плеч обезьян, так что их стало легко ухватить. Не вдаваясь в подробности, животные должны были разобраться, каким образом веревки привязаны к съедобным предметам. Гиббоны справились с задачей быстро и эффективно, продемонстрировав тот же уровень сообразительности, что и другие человекообразные обезьяны. Очевидно, что предыдущие неудачи гиббонов были связаны с постановкой эксперимента, а не с их умственными способностями (см. рис. на с. 30).

Еще один хороший пример — слоны. Долгое время ученые были убеждены, что эти толстокожие не способны использовать какие бы то ни было орудия. Слоны провалили тот самый тест с бананом, не прикоснувшись к палке. Неудачу слонов нельзя было объяснить тем, что они не способны поднимать предметы с ровной поверхности, так как слоны постоянно что-то подбирают с земли и часто — совсем крошечные предметы. Исследователи заключили, что слоны не разобрались в задаче. Никому не пришло в голову, что, возможно, это исследователи не разобрались в слонах. Как шесть слепцов, мы ходим вокруг большого зверя и ощупываем его, забывая, что, по определению Вернера Гейзенберга, «то,

У кисти гиббона большой палец не противопоставлен всем остальным. Такая кисть скорее предназначена для захвата ветвей, а не для подъема предметов с плоской поверхности. Только после того, как морфологию рук гibbonов приняли во внимание, эти человекообразные обезьяны все-таки прошли известные интеллектуальные тесты. На рисунке сравниваются кисти (слева направо) гиббона, макаки и человека. По Benjamin Beck (1967)

что мы наблюдаем, — это не природа как таковая, а природа, подвергнутая нашему методу задавать вопросы». Гейзенберг, немецкий физик, высказал это замечание по поводу квантовой механики, но оно в полной мере справедливо и для изучения разума животных.

В отличие от рук приматов, хватательный орган слона — это еще и нос. Слоны используют хобот